

Смирнов С.В.
(Екатеринбург)

Историки Китая и проблемы интерпретации «новой истории» страны

Для историографии КНР исходной точкой нового времени в Китае традиционно считается первая опиумная война (1840-1842), положившая начало превращению страны в полуколониальную и полуфеодальную, или, как все чаще пишут современные китайские историки, обусловившая начало процесса модернизации. Соответственно новое время в Китае охватывает период 1840-1949 гг. – становления и развития капитализма в крайне сложных условиях полуколониального положения страны, а с 1949 г., победы «новодемократической» революции, начинается период новейшей истории – строительства социализма в Китае. Между тем, развернувшиеся с конца 1970-х гг. реформы в КНР, «отцом» которых считается Дэн Сяопин, поставили на повестку дня необходимость определить форму общественного строя современного Китая и по-иному интерпретировать ключевые моменты предшествовавшего современности периода «новой истории».

В условиях широкомасштабного реформирования характер общественного строя постмаоистского Китая была обозначена в 1980-е гг. как «начальный период построения социализма», а в 1990-е гг. – как «рыночный социализм». «Рыночный социализм» (явление парадоксальное с точки зрения ортодоксального марксизма), реабилитировавший рынок, частнопредпринимательские слои, возможность обогащения, не удовлетворяемый более теорией классово-борьбы, нуждался в более сложном теоретико-методологическом багаже. В 1980-90-е гг. теоретический багаж китайских историков обогатился идеями М. Вебера, концепциями модернизации и глобальной истории, постмодернистским «культурализмом».

Одной из первых проблем, к которой обратились китайские историки в конце 1970-х – 80-е гг., стала проводимая династией Цин политика «закрытых дверей». Изменение внешнеполитического курса постмаоистского Китая, связанного с переходом к политике открытости страны внешнему миру, повлекло за собой распространение негативной оценки политики «закрытых дверей» в исторических кругах КНР. Политика «закрытых дверей» стала рассматриваться как порождение абсолютистского феодального государства с его отсталой феодальной экономикой и обскурантизмом. Она явилась серьезным препятствием на пути поступательного развития китайского общества, препятствием для изучения и использования китайцами передовых достижений мировой науки, техники, идеологии, культуры. В целом, политика «закрытых дверей», говоря словами профессора Дай И, выступила политикой не самозащиты, как это интерпретировалось в 1960-70-е гг., а политикой медленного самоубийства (1).

В 1980-90-е гг. теория революции, классовой борьбы в китайской историографии отдала пальму первенства в качестве обобщающей теории в изучении новой истории Китая теории модернизации. Через призму модернизации стали оцениваться и интерпретироваться ключевые события китайской истории после первой опиумной войны: восстание тайпинов, движение за «самоусиление», реформы 1898 г., восстание ихэтуаней, Синьхайская революция. И здесь китайские исследователи, как отметил главный редактор журнала «Modern China» Филип (Цзунцзы) Хуан, оказались перед опасностью нескольких методологических «ловушек», в частности, «ловушек» западоцентризма и культурализма, включающего китаецентризм (2).

Западоцентристская «зависимость» выразилась, прежде всего, в понимании модернизации как процесса универсального, однолинейного, характеризующегося набором необходимых признаков, в «чистом виде» проявившихся на западном историческом материале. При всем многообразии содержания понятия «модернизация» оно должно было включать в себя по меньшей мере индустриализацию, демократизацию в политической сфере, открытость общества, модернизацию культуры и сознания людей. В данном случае ключевым вопросом для китайских историков стал вопрос об особенностях протекания модернизации на китайской почве, а точнее о причинах замедленности модернизации в Китае.

Сотрудник Института истории Хунаньской академии общественных наук Лю Юньбо выделил ряд обусловленных национальными особенностями страны причин, благодаря которым модернизация в Китае шла «извилистым путем» (3). Во-первых, это отсутствие условий, достаточных для проведения модернизации, а именно: зарождающихся в недрах традиционного общества элементов капитализма (в экономике, общественном сознании и т.д.). При этом автор указывает на возникновение зачатков капитализма еще в эпоху Мин, которые, однако, не сумели развиться вплоть до проникновения в Китай европейцев. Во-вторых, это отсутствие в обществе капиталистического, или «модернистского», сознания, презрительное отношение всех слоев китайского общества к «западным знаниям», отторжение всего западного. Однако самой важной национальной особенностью, сдерживавшей модернизацию в Китае, автор считает политическую систему феодального абсолютизма с высочайшим уровнем централизации власти, определявшей все стороны организации общества и все области общественного сознания, и ее культурно-идеологическую основу в виде конфуцианства. Таким образом, начавшаяся в 1860-е гг. в Китае модернизация в виде движения за «самоусиление», оказалась запоздалой, неподготовленной, преследовавшей узкопрактические цели сохранения династией Цин своей власти и противостояния варварам, что и обусловило ее извилистый путь. Прекращение движения «за самоусиление» после поражения Китая в войне с Японией (1895), способствовало выходу на политическую арену молодых буржуазных революционе-

ров, которые начали реформы 1898 г., не имевшие классовой опоры и оторванные от прежнего движения за «самоусиление», а в дальнейшем инициировали столь же преждевременную Синьхайскую революцию.

Аналогичную точку зрения Лю Юньбо на причины замедленной модернизации в Китае высказывает сотрудник Гуанчжоуской социалистической академии Ван Есин (4). Первой причиной замедленности экономической модернизации в Китае, по мнению Ван Есина, было то, что страна несколько раз упускала благоприятные шансы в период с 1840 по 1919 г. Ни движение за «самоусиление», ни Синьхайская революция не сумели в достаточной мере реализовать программу необходимых преобразований. Второй причиной были особенности бюрократического управления страной в новое время, когда произошло соединение «капиталистической» алчности и неограниченной власти в руках чиновников. Китайская бюрократическая система не только не стала силой, ведущей по пути капитализма, но и помешала модернизации. Третья причина замедленности экономической модернизации – отсутствие в экономике движущих механизмов. Развитие капитализма в Китае в новое время происходило в узком пространстве между двумя силами – империализмом и феодализмом, что и определяло его слабость и уродливые формы. Основной же причиной замедленности модернизации в Китае, как считает Ван Есин, оказалось несоответствие «качества» китайского населения требованиям, предъявляемым модернизацией, что проявилось главным образом в трех сферах: психологии общества (построенной на строгом китаецентризме и поклонении власти), структуре населения (с низкой численностью рабочего класса) и квалификации кадров (крайне ограниченное число специалистов).

Иначе говоря, открытость китайского общества, тесные связи с западным обществом являются главным условием успешной модернизации Китая. Как отмечает еще один китайский исследователь Хань Кэцин, «несомненно, тип развития [современного] Китая – это модернизация, и без связи с западным обществом не может быть и речи о “постмодерном состоянии”» (5).

«Ловушка» китаецентризма, несмотря на плодотворный в научном плане подход к Китаю с позиции его уникальности и необходимости изучения его традиции в присущих ей понятиях, заключается в стремлении если не отбросить, то, по крайней мере, свести к минимуму влияние Запада и западной традиции на процесс модернизации Китая. Работы такого плана близки концепции «early modern», отстаивающей незападный (оформившийся до прихода и без влияния европейцев) характер истоков модернизации в азиатских странах.

Типичной «китаецентристской» работой, по нашему мнению, является статья сотрудника Института гуманитарных и социальных наук при университете Цинхуа (Пекин) Ли Бочжуна (6). Ключевым вопросом для правильного понимания хода экономического развития Китая и роли в нем западных

держав на протяжении нескольких предшествовавших 1840 г. столетий автор считает вопрос о том, сформировался ли в Китае до «опиумной» войны (1840-1842) единый национальный рынок. Как считает Ли Бочжун, европейская модернизация в ранний период нового времени выразилась в трех великих взаимосвязанных процессах: образовании национального рынка, возникновении капитализма и появлении национальных государств. Однако история Китая в ранний период нового времени отличалась от истории Европы. Прежде всего, в Китае задолго до 1500 г. завершилось формирование национального государства, но в то же время в период 1500-1840 гг. не наблюдалось быстрого развития капитализма. Зачатки капитализма в экономике страны играли крайне малую роль. Что же касается становления единого национального рынка, этот процесс шел весьма интенсивно в 1500-1840 гг. и, в целом, национальный рынок оформился к середине XIX в. Ли Бочжун выделяет произошедшие в Китае в начальный период нового времени перемены, создавшие основу для возникновения национального рынка. Это ослабление вмешательства государства в период династий Мин и Цин в экономическую жизнь; расширение сети водного транспорта и сухопутных дорог, интенсификация движение коммерческой информации; развитие местной специализации и разделения труда, ставшие основой экономического районирования; ускорение сосредоточения торгового капитала в руках крупных торговцев; коммерциализация деревни; усиление внутренней миграции населения и т.д.

По мнению автора, Китай в рассматриваемый период выступал в качестве центра восточноазиатской экономической системы, что переключается с взглядами некоторых представителей «миросистемного подхода», в частности, Дж. Абу-Лукход и А. Г. Франка (7). Здесь Ли Бочжун не одинок. Другой китайский историк, Дэн Ган, считает, что деятельность Китая на море еще по достоинству не оценена и вплоть до 1900 г. Китай выступал морской державой (8). Торговля же со странами Запада до середины XIX в. не играла большой роли для Китая, и потому возможности влияния Запада на формирование китайского национального рынка были крайне ограничены, наоборот, развитие торговли с европейскими странами, приносившее стране большое количество серебра, стимулировало развитие национального рынка. Но если, по мнению Ли Бочжуна, Запад напрямую не влиял на становление национального рынка в Китае, то в XIX в. он выступил в роли его могильщика, сначала развитием опиумной торговли, а затем лишением Китая таковой самостоятельности и прежних позиций во внешней торговле.

В аналогичном Ли Бочжуну ключе написана работа еще одного китайского историка Чжан Сюэмэна, посвященная проблеме зарождения рынка и рыночной экономики в Китае (9). Автор вполне в духе современного китайского «рыночного социализма» разводит понятия «рыночная экономика» и «капитализм», указывая, что рыночная экономика в Китае начала зарождаться

ся в условиях феодального общества и прошла ряд этапов в своем становлении. В период Цинь и Хань наблюдалось зарождение традиционного рынка. С середины правления Тан до начала правления Мин продолжался этап развитого традиционного рынка. Довольно четко проявления рыночной экономики обнаружались в середине правления династии Мин, особенно на территории провинций Цзянсу и Аньхуй, по берегам рек Янцзы и Хуанхэ. В XVI-XVIII вв. рыночная экономика в Китае сосуществовала с натуральным хозяйством, а зачатки капитализма с феодальными производственными отношениями. При этом ведущее место сохранялось за натуральным хозяйством, а господствующими оставались феодальные производственные отношения, что вело к крайне неоднозначным результатам развития. Рыночная экономика в Китае в данный период не смогла занять господствующее положение из-за целого ряда неблагоприятных условий: слабости денежной системы страны, недостаток сил у китайских торговцев для руководства рынком в силу существующих ограничений их деятельности, в том числе и правительственной политики «закрытости». Только с «открытием» Китая в середине XIX в. европейцами начался второй этап в развитии рыночной экономики в условиях становления капиталистической системы.

Как избежать методологических «ловушек», поджидающих исследователя периода, предшествовавшего новому времени, и новой истории Китая, когда соблазн, подогреваемый современным мощным экономическим прорывом страны, столь велик? Ответ на это пытается дать Ф. Хуан, американский китаевед китайского происхождения, отыскивая путь между крайностями господствующих теоретических подходов. Хуан, фиксируя западцентристское происхождение понятия Modernity (западная форма развития, отождествляемая с новым временем и претендующая на универсальность), полагает, что это не может служить основанием для утверждения, будто данное понятие не уместно для анализа процессов общественного развития Китая. В то же время для Китая требуется «теоретическая автономия», новое мировоззрение, которое позволит ответить на вопросы, как можно быть «современным и одновременно китайским», как развивать современную цивилизацию, сохраняя национальное наследие, и «какой может быть сущность китайской цивилизации в современном мире» (10).

1. Ипатова А. С. Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история и Восток: Сб. статей. М., 1989. С. 242-251.
2. Huang Ph. C. C. Theory and the Study of Modern Chinese History: Four Traps and a Question // *Modern China*. L., 1998. Vol. 24. № 2. P. 183-208.
3. Ермаченко И. С. Лю Юньбо. Модернизация в Китае и характерные национальные особенности страны // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2004. № 2. С. 213-224.

4. Ермаченко И. С. Ван Есин. Причины замедленности экономической модернизации в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2004. № 2. С. 213-224.
5. Милонов В. С. Хань Кэцин. Модерн, постмодерн и модернизация Китая // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2001. № 2. С. 12.
6. Ермаченко И. С. Ли Бочжун. Формирование национального рынка в Китае в период с 1500 по 1840 г. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2001. № 2. С. 114-122.
7. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира: Альманах современных исследований по теории истории, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 449-462; Франк А. Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. 1993. № 2.
8. Ермаченко И. С. Дэн Ган. Деятельность на море и социоэкономическое развитие Китая с 2100 г. до н.э. по 1900 г. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2000. № 1. С. 111-121.
9. Ермаченко И. С. Чжан Сюэмэн. Проблема зарождения рынка и рыночной экономики в Китае в XVI-XVII вв. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2000. № 2. С. 106-111.
10. Huang Ph. C. C. Op. cit. P. 191, 204.